

Глава 35. Тридцать пятый луч света

Звонкий детский голос, прорезавший гомон столовой, заставил обедающих замереть. Жители Срединного континента всегда отличались трепетным отношением к детям, поэтому почти инстинктивно замедлили движения, перестали жевать и дружно обернулись на звук.

Там, посреди зала, застыла в легком шоке эффектная, подтянутая женщина, державшая за руку ребенка. Девочка лет четырех-пяти изо всех сил тянула вверх ручонку, указывая прямо на Цзи Сы. Ее взгляд, казалось, прошивал любую маскировку, намертво зафиксировавшись на его фигуре.

Сквозь колышущуюся толпу Цзи Сы одарил ее мимолетной улыбкой. Он стоял неподвижно, не пытаясь скрыться, словно безмолвно поощряя ее подойти ближе.

Увы, ребенок оставался ребенком. Даже если ее «Небесное око» еще не закрылось, позволяя видеть истинную суть вещей за пеленой измерений, координация тела и разума оставляла желать лучшего. Глаза девочки видели Цзи Сы, но рука предательски отклонилась в сторону. Самое скверное, что сама «указательница» подвоха не заметила.

На настойчивые расспросы Цзыин девочка лишь уверенно кивала:

— Это он!

По иронии судьбы ее палец замер, указывая на Цзян Цинина, который в этот момент с упоением уплетал жареную лапшу. Блюдо было настолько ароматным, что парень даже головы не поднял.

Затем инстинкт птенца, ищущего защиты у матери, заставил девочку потянуть Цзян Цзыин за собой — именно туда, куда указывал палец. Но Цзыин не могла позволить ребенку впутаться в столь опасное дело. Она подхватила малышку на руки и коротко бросила:

— Капитан Шэнь!

Едва прозвучали эти слова, она стремительно покинула зал. Шэнь Юньтин и его бойцы с суровыми лицами двинулись вперед.

Малышка Тин-Тин окончательно растерялась. Она вцепилась в воротник Цзыин, отчаянно пытаясь что-то объяснить, но ее речевые навыки пасовали перед эмоциями. Из уст ребенка вылетали лишь обрывки фраз: «А, там!», «Нет, здесь!».

К несчастью, у Цзян Цзыин не было своих детей, и она совершенно не понимала этот «младенческий диалект».

Ситуация напоминала конфликт между художником и моделлером: первый рисует изящное сердечко, мол, «ты же понимаешь концепт?», а второй показывает большой палец — «понял, сделаю!». В итоге концепт-арт радует глаз, а 3D-модель превращается в кошмар наяву.

Увидев этот «кошмар» в исполнении спецназа, маленькая художница в объятиях Цзыин разрыдалась в голос:

— У-у-у... не он!

Цзи Сы, наблюдавший за этим со стороны, почувствовал, как уголок его губ, застывших в улыбке, едва заметно дернулся.

Великий жрец стоял как вкопанный, с нескрываемым изумлением наблюдая, как Цзян Цинин отрывается от миски. Парень вытер рот подолом своей дешевой белой мантии, поправил съехавший парик и принялся качать права перед «союзниками»:

— Я ничего не сделал! Вы чего творите?

В обычных обстоятельствах Цинин бы не сопротивлялся, а покорно пошел следом. Однако детский выкрик «Дядя полицейский, это он!» разрушил видимость мира. Когда Цзян Цинин осознал, что происходит, он обнаружил, что все вокруг смотрят на него с нескрываемым подозрением.

В их глазах на его лбу уже горело клеймо «особо опасного преступника». Если не доказать свою невиновность сейчас, слухи его просто похоронят!

— Мы просто просим вас пройти с нами. Пожалуйста.

— Куда это я пойду? Вы сначала скажите, в чем меня обвиняют! Выкладывайте всё как есть, а не то люди подумают, что я и впрямь совершил какое-то мифическое злодеяние!

Но разве можно было выложить «всё как есть», когда дело касалось паранормальщины? Нет.

А были ли ветераны из отряда Шэнь Юньтина теми людьми, что станут пускаться в долгие дискуссии? Тоже нет.

Это были суровые мужики, чьи ораторские способности стремились к нулю, зато решительность зашкаливала. Видя, что договориться не получится, а промедление грозит тем, что зеваки начнут снимать всё на телефоны, они решили действовать. Каждый из них был героем с боевыми заслугами, и лишнее внимание в сети им было ни к чему — месья недобитых врагов могла обрушиться на их семьи.

Была не была!

— Прошу прощения, — с искренним сожалением произнес Шэнь Юньтин. Он обвел взглядом троих сидящих за столом, давая понять: лучше не вмешиваться.

Сы Ночэн коротко кивнул:

— Как вам угодно.

Лаки пожал плечами:

— Мне всё равно.

Ци Синьли, преисполненный милосердия, лишь добавил:

— Только по лицу не бейте.

Цзян Цинин онемел от такого предательства:

«Да вы... ну вы и сволочи!»

Дугая дружба рассыпалась в прах. В следующую секунду Шэнь Юньтин профессиональным захватом скрутил Цинину руки, а Ган Бин, не говоря ни слова, обхватил его за ноги. Цинин, проживший двадцать с лишним лет в холе и неге, никогда еще не подвергался такому унижению на людях. Он отчаянно забился, его лицо побагровело от натуги:

— Пустите! Руки убрали!

С глухим стуком бутафорский скипетр покатился по полу. С шелестом дешевый парик свалился к ногам.

Пока Шэнь Юньтин и Ган Бин тащили его к выходу, Цинин буквально рассыпался на запчасти. Впрочем, восемнадцать приемов борьбы с медведем не прошли даром: благодаря яростному сопротивлению он перестал быть «ношей» и превратился в «якорь». Ган Бин тянул его за ноги, а Цинин мертвой хваткой вцепился пальцами в ковровое покрытие, окончательно теряя остатки достоинства.

Цзи Сы стоял у самого входа в ресторан, воочию наблюдая, как Цзян Цинина, словно упирающегося пса, волокут по полу.

Между ними было не больше полуметра. Пальцы Цинина оставляли борозды на ковре, а крики

становились всё пронзительнее:

— Пустите! А-а-а, нет! Только не пятки, щекотно! А-ха-ха! Ха-ха! Не надо! Перестаньте!

Побежденный щекоткой, Цзян Цинин окончательно сдал позиции.

Цзи Сы проводил его взглядом.

«Если эти "избранные" ищут людей подобным образом, то, пожалуй, нам лучше не встречаться».

С этой мыслью Великий жрец стремительно и не без изящества исчез в дверях ресторана.

В это же время маленькая Тин-Тин наконец перестала плакать. Цзян Цзыин чувствовала себя выжатой как лимон. Она устало потерла поясницу и улыбнулась:

— Спасибо тебе, Тин-Тин. Помогла тете и дяде найти человека.

— Н-нет... — всхлипнула девочка, наконец выдавив правду. — Не лапша.

— Что?

— Не тот, кто ел лапшу. Он был у двери, у-у-у...

Цзян Цзыин замерла.

У двери?

Подождите... они схватили не того?!

***

Нелепая история закончилась лишь глубокой ночью. Когда Сы Ночэн вызволил бедолагу из участка, Цзян Цинин напоминал побитую морозом капусту — он безвольно лежал на заднем сиденье машины, глядя в потолок пустыми глазами.

Лишь спустя три перекрестка он подал голос, тихий и надтреснутый:

— Брат Чэн... мы вообще друзья? Почему ты меня не спас?

— Я единственный ребенок в семье, — отрезал Сы Ночэн. — Так что нет, мы не братья. Спасибо.

Цзян Цинин поперхнулся. Зная ядовитый язык Ночэна, он не решился спорить и в порыве праведного гнева открыл маленький холодильник в спинке сиденья, твердо вознамерившись засыпать новую машину друга крошками.

К его разочарованию, холодильник был забит банками кофе разных сортов. Никакой еды.

— В машине нет закусок для детей, — бросил Ночэн.

Цинин замер. «Дети»? После сегодняшнего у него от этого слова начинался нервный тик. ПТСР в чистом виде!

Оставшуюся часть пути Цзян Цинин сидел тише воды, ниже травы. Лишь когда показались огни гранд-отеля «Циндин», он наконец включил мозг взрослого человека:

— Слушай, Чэн... как ты думаешь, кто такой этот Цзи Сы на самом деле?

— С чего вдруг такие вопросы?

— Те, кто меня повязал, приехали из Цюйкана, — начал вспоминать Цинин. — Звания высокие. У того, что держал меня за ноги, на шее шрам от пули — такие в обычных участках не работают.

— Приехать в Хулукоу в такой острый момент... Говорят, ищут человека с черными волосами, в белых одеждах и с посохом. — Цинин запнулся. — И ради этого притащили ребенка. Сказали, она может «видеть».

— Я вот что подумал: кроме Цзи Сы, в моем окружении нет никого, ради кого полиция подняла бы такой переполох, да еще и с такими странными методами.

— И ты их просветил? — Сы Ночэн заехал на парковку.

— Нет, — фыркнул Цинин. — Я вам не предатель, чтобы за обеденным столом друзей сдавать ради спокойствия! Я за своих горой стою! Всю вину на себя возьму, лишь бы друг мог летать свободно!

Сы Ночэн ударил в самую точку:

— Ты просто побоялся, что если сболтнешь лишнего, то Цзи Сы тебя по головке не погладит.

Цзян Цинин сдулся окончательно. Когда они поднялись на этаж, то увидели Ци Синьли — тот стоял, прислонившись к стене, явно поджидая их.

— Пока ты его вызволял, полиция приходила второй раз, — улыбнулся Синьли. — Они заняли номера на шестом этаже. Похоже, задерживаются надолго.

— Зачем ты мне это говоришь? — голос Сы Ночэна остался холодным и непроницаемым. — Какое мне дело до того, где живет полиция?

Любой обычный человек, увидев, как его знакомого уводят под белы ручки, трижды бы подумал, стоит ли продолжать общение. Но Ци Синьли не спал полночи только ради того, чтобы сообщить им это. Для случайного знакомого это было слишком.

«Какой же он подозрительный», — подумал Синьли, но вслух произнес совершенно естественно:

— Прошу прощения. После того случая в ресторане я решил, что между вами и полицией вышло недоразумение. Немного обеспокоился, вот и проявил излишнее участие.

Когда одна сторона идет на попятную, другой полагается смягчить тон. Но Сы Ночэн был знаменитым мастером сарказма. Желание «ужалить» было у него в крови, наравне с жаждой победы.

— Что ж, — отозвался Ночэн, — приятно видеть, что ты адекватно оцениваешь степень своей навязчивости.

Ци Синьли: ...

Цзян Цинин тяжело, по-стариковски вздохнул и сочувственно похлопал Синьли по окаменевшему плечу.

— Еще одной жертвой стало больше, — пробормотал он.

***

9 января. На первый взгляд — самый обычный день.

Солнце взошло и зашло в положенное время. Земля продолжала вращение, города жили своей привычной жизнью. Шли новости, гремели развлекательные шоу, студенты зубрили билеты перед сессией, а офисный планктон грезил о годовой премии. Всё как всегда.

Но с наступлением сумерек атмосфера в стране ощутимо сгустилась.

Крупные торговые центры закрылись раньше срока, площади опустели. Люди заперлись в домах, проверяя запасы воды и еды, беспрестанно обновляя ленты новостей в телефонах и переключая каналы. Тревога висела в воздухе.

И дело было не только в простых обывателях. Полиция и высшее руководство страны пребывали в том же состоянии. В эту ночь все взоры были обращены к Линьдуну. После череды жутких аномалий никто больше не ставил под сомнение точность пророчеств. И именно эта точность пугала больше всего.

На спутниковых картах Срединный континент всё еще сиял огнями городов, но в этом сиянии чувствовалось мертвенное безмолвие. Правители собрались в одном зале, не отрывая глаз от единственного темного пятна на карте — Линьдуна. Уровень боевой готовности был поднят до предела.

— Докладываю: частота 20 Гц больше не фиксирует отклик Врат миров.

— Докладываю: инфракрасные датчики фиксируют искажение световых лучей в районе Врат.

— Докладываю: в пространстве вокруг Врат зафиксированы трещины... Они расширяются! Запрашиваю разрешение на открытие огня!

— Докладываю: зафиксирован «Разлом небес»! Войска приведены в полную боевую готовность! Ждем приказа!

В эпоху высоких технологий симбиоз человека и машины достигал совершенства. Удары наносились по всем фронтам. Опираясь на новые военные форты вокруг аэропорта Линьдуна, армия выстроила эшелонированную оборону, тянущуюся до самого центра города, превращенного в «зону отчуждения».

Концентрация огневой мощи, опыт ветеранов и пыл новобранцев — стоило монстру высунуть голову, как его...

В черном небе зияла рваная рана — узкий коридор, соединяющий два мира. Нечто пыталось прорваться сквозь него. Пространство сминалось, складки, похожие на трещины в стекле, расходились в стороны. Рана росла, и вот из нее показалась обрубленная когтистая лапа!

Седовласый старец поднял руку. Его заместитель взревел:

— Огонь!

В ту же секунду небо прочертили трассы зенитных орудий. Истребители, кружившие над головой, выпустили ракеты. Залп был ювелирным: обрубок лапы разнесло в клочья, но на самих Вратах не осталось ни царапины.

Они не знали, не приведет ли атака на сами Врата к их расширению, поэтому выбрали тактику уничтожения целей.

Под грохот канонады земля на окраине аэропорта почернела. С неба хлынул дождь из ошметков плоти и вязкой зеленой крови.

Яростное сопротивление добычи привело монстра в бешенство!

Внезапно нечто, похожее на гигантские серпы, уперлось в края Разлома, с силой раздвигая их. Наружу протиснулась огромная темно-зеленая голова. Игнорируя разрывы снарядов, тварь втянула центр черепа внутрь, словно песочные часы, соединяя его со своими мощными голосовыми связками.

— Крии-и-и! — пронзительный, запредельный визг ударил сверху, создавая звуковой барьер, который в мгновение ока превратил летящие снаряды в пыль.

Бесчисленные взрывы гремели в десяти метрах от монстра, но осколки и ударная волна не причиняли ему серьезного вреда. Тварь дюйм за дюймом выбиралась из Разлома, расширяя его своим телом. Мир по ту сторону небесной раны пылал багровым заревом магмы, и там, в глубине, ждали своего часа бесчисленные легионы чудовищ.

— Огонь!

Темно-зеленая тварь наконец выбралась целиком. Брюхо богомола, крылья летучей мыши, всё тело усеяно зубами-серпами, а на голове — две длинные руки. Одна была изувечена и истекала густой зеленью, зато вторая внезапно удлинилась на две сотни метров, одним ударом разнеся в щепки летящий навстречу истребитель.

— Бум! — огненный шар в небе подтвердил свирепость врага.

Чтобы прикрыть катапультировавшихся пилотов, десятки машин пошли на сближение, заслоняя собой крошечные купола парашютов.

Но удлинившаяся конечность монстра резким взмахом прошла воздушное пространство, уничтожив еще семь самолетов. Пилоты были вынуждены прыгать, а путь для воздушной атаки оказался отрезан. Тварь повернула голову к людям на земле:

— Крии-и-и!

Звон битого стекла разнесся на сотни миль вокруг. Раненых было не счесть. Но ни один солдат, даже истекая кровью от порезов, не покинул пост. Они разворачивали орудия, наводя жерла прямо на монстра.

Седовласый генерал коснулся своих орденов и негромко приказал подчиненному:

— Трубите в рог.

Против твари, использующей звук, у них было средство. История Срединного континента насчитывала тысячи лет, и предки всегда шли в бой под звуки рога. Традиции отцов не были забыты.

— У-у-ум-м... — низкий, вибрирующий гул, похожий на рык тигра в ночи.

По приказу со всех сторон зазвучали боевые рога высотой в человеческий рост. Густой, непрерывный звук сплелся в плотную сеть, заполнив небо над Линьдуном и безжалостно подавляя частоты монстра.

Тварь расправила крылья и с воплем ринулась вниз. Генерал стоял среди руин, неподвижный как скала.

Пока он не дрогнет — не дрогнет и армия. В этом и заключался долг полководца.

Внезапно рев рогов усилился, а артиллерийский огонь слился в единую линию. Уродливая морда монстра была уже совсем близко, брызги зеленой крови — отчетливо видны. В глазах каждого солдата отражалась тень смерти, но каждый помнил свою миссию.

Вихрь на голове твари снова начал закручиваться, готовя смертоносный крик. Но в этот миг узкий, стремительный снаряд влетел прямо в центр воронки...

Грохот!

Голова монстра разлетелась на куски. Огромная туша по инерции рухнула на землю и, круша обломки, проскользила по бетону, остановившись в десяти шагах от генерала.

За всё это время старик не сделал ни шага назад.

Зеленая кровь образовала небольшое озеро. Когда звуки рогов затихли, генерал убрал руку от орденов и распорядился:

— Очистить поле боя. Тело — в лабораторию.

— Есть!

Пять минут на уничтожение одной цели. Для обывателя это звучало как «триумф нашей армии», но для военных это время было критическим.

Что, если из Врат выйдет не один монстр, а сотня?

Генерал стер с лица капли зеленой крови. Белые перчатки были безнадежно испорчены.

— Выясните, где еще, кроме Срединного континента, зафиксированы аномалии.

— Есть!

— Мир меняется, — пробормотал старик. — Да хранят Небеса наш континент. Пусть народ не узнает ужасов войны.

***

В тот миг, когда монстр испустил дух, Цзи Сы открыл глаза. Он увидел Сы Ночэна — тот стоял у панорамного окна, в своей привычной манере глядя на ночное небо, но мгновенно обернулся, почувствовав движение.

«Какой же он чуткий».

— Всё закончилось? — спросил Ночэн.

Цзи Сы легко улыбнулся:

— Да. Они оказались сильнее, чем я предполагал.

Он поднялся, опираясь на свой посох. Теперь он окончательно понял, почему его товарищи по отряду так любили эту землю и почему никогда не хотели возвращаться назад, чтобы что-то изменить.

Это были их самые тяжелые воспоминания, где каждая пядь земли была пропитана кровью героев. Несмотря на бури и неисчислимые жертвы, эти моменты сияли в их жизнях — священные и неприкосновенные.

Они не желали менять прошлое, так же как и он не собирался возвращаться к своей исходной точке.

В этом был их Путь — только вперед.

— Я не ошибся с местом, — голос Цзи Сы звучал необычайно мягко. — Непреклонный дух
Срединного континента не угаснет и через тысячи лет.

— Он вызывает у меня истинное восхищение.

<http://bllate.org/book/13709/1588668>